



НИХТ ФЕРШТЕЙН

Александр Алексеевич Ломтев родился в 1956 году в селе Пуза Арзамасской, ныне Нижегородской области. Окончил Арзамасский государственный институт, работал киномехаником, электромонтёром, сторожем, журналистом. С 1990 года и по сей день – директор различных газет и информационных агентств. Член Союза журналистов России, Альянса руководителей региональных СМИ России (АРС-пресс). Прозаик, поэт, публицист, член Союза писателей России. Публиковался в общественно-политических и литературных журналах в России и за рубежом. Автор семи книг, лауреат премий Союза журналистов России, «Золотой гонг», «Золотой лотос», «Патриот России», «Имперская культура», Международной премии им. А.Куприна. Живёт в Сарове Нижегородской области.

Поминки

Девяносто один год – не шутка. Но он решил дойти до этой деревушки. Он брёл по к менистой тропе, внимательно глядя под ноги, и выискивал место поровнее, прежде чем постыть ногу. Узкое ущелье не давало солнцу и прямую к литым рыжиком менистым стенам, но всё равно было жарко. Очень жарко. Рудольф неторопливо шёл по тропе, временами выпавшая из думчивость, и ему казалось, что он вернулся в прошлое. Вот сейчас его окликнет идущий по пятам Ганс и кинет ему флягу с теплой той водой. Конечно, тогда, весной сорок первого, он не плёлся вот так среди этого дикого негромощения к мней, быстро шагнул, перескочив ябульжники и озёрки пересыхающего, пропадающего в клямах ручья. И всё время ждал выстрелов.

Это был очередной крестельный рейд, но греки не боялись

их. Они очень хорошо знали к -
менные лабиринты своего ущелья
и после каждого короткого
ожесточённого боя ускользали,
не давая опомниться. До своего
исхода с Критом им так и не уда-
лось выбить греков из ближай-
ших гор.

Но в тот день удалось захва-
тить связного. Так решил Герас,
что этот испуганный подросток
— притизнский связной. Ему
прострелили ногу, и после до-
проса, чтобы не терять времени
по дороге через ущелье, Герас при-
казал пристрелить мальчишку.
И его пристрелили.

Рудольф, чтобы отвлечься,
принялся вспомнить прочитан-
ное в путеводителе. О рошицах
шелковиц и инжире, растущих
вокруг источников, о сосновых
и медоносных цветках, о пещерных
домиках митот, построенных из
грубого камня даже без скрепля-
ющего раствора, о горных козьях
кри-кри, о старых рочных до-
миках с миссидскими в мленькой
деревушке...

Деревушку они сожгли ещё
раньше. До того, как пристре-
лили мальчишку. Как званим
этой деревушки ему и нужно
было добраться.

Зачем? Он и сам не знал...

Он шёл и медленно думал о
том, как тут жили люди. Псе-
листы да овец, строили водяные
мельницы, охотились, рожали
детей... А в прядники жарили
ромшное мясо и запивали
его огненной цикудьей. Пели
и танцевали. И тут пришёл он,

Рудольф. И Герас. И другие ру-
дольфы и герасы... И р-
стреляли того мальчишку. За
чем? Почему? Для какой высшей
цели? И что изменил эту смерть?
Что-то изменил...

Рудольф добрёл, наконец, до
деревушки. И ничего не узнал.
Но воспоминания хлынули на
него с такой силой, что он не-
вольно осел на ближайший в-
лун.

Герас застрелил сына перече-
рез месяц после того как р-
тельного рейда, и он сам р-
сказал об этом невесте Герасу
потом, уже после войны. Сего-
дня ему было особенно жалко
и Гераса, и того греческого
мальчишку, и он никак не мог
понять — кого больше. Как же
так, столько лет прошло,
сердце всё болит и болит. И
ничего не изменить. И всё
продолжится: где-то другие
рудольфы и герасы стреляют
в других мальчишек.

Рудольф вдруг задрожал и за-
рыдал.

Непонятно откуда, словно
прямо из скалы, к нему подбе-
жали греки-инструкторы. Он
плохо английским объяснил,
что с ним всё в порядке, что
просто он воевал тут когда-то
против них, греков. Он не знал,
что толкло его, но всё р-
сказывал и р-
сказывал, за хлебываясь
слезами, и прокар-
тельные рейды, и про сожжение
деревушки, и про р-
стрелянного пр-
нишку. Греки повернулись и
ушли. И Рудольфу покзлось,
что он остался один на
целой планете

и что это горячее ущелье — его личный д.

Но греки вернулись. Они принесли с собой бутылку цикуды, хлеб и миску с оливковым маслом. Они и лив ли цикудью в м ленькие ст к нчики и себе, и Рудольфу, пили, лом ли хлеб, м к ли его в м сло, снов пили и пл к ли вместе с Рудольфом.

Проходившие мимо туристы с изумлением р зглядыв ли трёх пл чущих мужчин. Одного очень пожилого и двух молодых. А те пили и пл к ли, пили и пл к ли...

Дедушка

— Аурел — видивел, видивел — помпел, видиви — видив , видиви — помп ... — дедушк Ион к ч л н костлявой коленке внук и н пев л бессмысленную, но ритмичную и весёлую песенку. Потом он сс жив л Аурел н пол, бр л н руки Вову и, подбр сыв я его н коленке, з волил:

— Вов — видивов , видиви — помпов , видиви — видив , видиви — помп ...

Н столе кисть виногр д и м м лыг , в ст к не свеж я кровь дом шнего вин , в окно сквозь ветки тополя рв лось в комн ту солнце.

Дедушк Ион жил в небольшом посёлке н горном склоне совсем рядом с румынской гр ницей. У дедушки Ионы дв сын и дв внук . Один внук чёрныйкий, потому что ст рший

сын взял в жёны молд в нку, другой внук беленький, потому что мл дший сын учился в Москве и взял в жёны девушку из Подмосковья. Н одно лето Аурел отпр вялся к русской б бушке в Россию, н другое — Вов ех л к деду в Молд вию...

Где-то в отд лении р зд лся шквл в том тной и пулемётной п лбы, и это з ст вило Вл димир Ив нович вынырнуть из солнечных детских воспомин ний. Стрельб н р ст л . У горком п ртии, — прислуш лся Вл димир Ив нович, — точно, т м. Он зн л, что н д окружённым зд нием р звев лся фл г, и полицейские во что бы то ни ст ло хотели сбить его. Но сбить не уд в лось, это злило н п д вших, и стрельб времен ми усилил л сь до шквл ьной...

А тут было тихо. Тополь мирно шелестел листвою, рябил солнцем Днестр, ползли по сф льту безр зличные к людским проблем м мур выи, б бочк порх л н д г зоном. И если бы не эт постоянн я ноющ я боль...

Пуля уд рил Вл димир Ив нович в бок и чуть сз ди. Слово п лкой стукнули. Вл димир Ив нович бросился з ст - рый тополь и услыш л, к к ещё несколько пуль уд рило в сф льт у него з спиной. Только тут он пож лел, что кинулся из н дёжного укрытия з рослым гв рдейцем с «к л шниковым» в рук х и вёртким к з ком с винтовкой. «Куд я полез со своим

дробовиком!» — з позд ло поруг л он себя, чувствуя, к к н ливется болью бок и всё горячее ст новится руб шк .

Он осторожно выглянул из-з тополя. К з к с простреленной головой леж л посреди улицы, которую они только что перебегли, гв рдеец куд -то проп л. Вокруг никого не было видно, и кто стрелял, гл вное, откуд — непонятно.

Вл димир Ив нович осторожно потрог л бок и не понял, з цепил ли его пуля или прошл внутрь. Болело не сильно, и он успокоил себя: ц р пнуло. Ст р ясь не беспокоить р ну, Вл димир Ив нович поудобнее устроился з тополем и осмотрелся уже обстоятельнее.

З зеленью куст рник и деревьев блестел солнечными блик ми Днестр. Н мосту подбитый БТР тир спольских гв рдейцев уже не пыл л, нехотя ч дил редким чёрным дымом. Люки з крыты, к жется, никто не сп сся. Собственно, из-з этого БТР они и рв нули поближе к мосту в н дежде помочь уйти экипа жу из-под кинж льного огня молд вской полиции.

Кр ем гл з Вл димир Ив нович з метил движение н другой стороне улицы. З куст ми, согнувшись в три погибели, кр лся полицейский. Вл димир Ив нович высунул дуло двустволки из-з тополя и тц тельно прицелился. Когд мушк ок з л сь н уровне головы кр дущегося, Вл димир Ив нович сдвинул

дуло чуть в сторону и н ж л курок. Услыш в выстрел и свист пули н д ухом, полицейский ш рхнулся н з д, р спл ст лся н земле и, судорожно дёрг ясь, пополз з угол ближ йшего дом .

Вл димир Ив нович усмехнулся: не лезь, куд не зовут. Стрелял Вл димир Ив нович хорошо, дичь бил влёт без проблем. Но, стреляя уже третий день по молд вским полицейским, з ст вить себя убить или р нить хотя бы одного из них не мог...

Нез метно п льб и н мосту, и в городе стихл . Вл димир Ив нович з смотрелся н весёлую рябь Днестр ...

У дедушки Ионы в н фт линовом шк фу висел солд тск я форм . Н кителе дв ряд мед лей. Когд внуки подросли, он водил их к быстрой речке, они жгли костёр, рыб чили, и дед р сск зыв л про войну. Внуки дедом гордились...

Отец Вовы служил н флоте, учился в Москве, отец Аурел был погр ничником н П мире, учился в Кишинёве. Подмосковн я б бушк Вовы видел молд вского дедушку Аурел лишь н фотогр фиях. Но они были роднёй. Б бушк посыл л в Молд вию м ринов нные грибы и земляничное в ренье, дед Ион отпр вялял в Подмосковье дом шнее вино.

Аурел женился н румынке, и у него появил сь з гр ничн я родня. Вов н шёл девушку в Бендер х и поселился н берегу

Днестр . Дедушк Ион совсем пост рел, но был всё т ким же подвижным, весёлым и р дов л ся к ждому приезду внуков...

Потом произошло что-то непостижимое, и мир вдруг треснул, словно зеркало. Стало тяжело жить, люди стали злыми и крикливыми. Неплощадь собирались огромные толпы. Однажды пришло известие, что Аурел вместе с женой и родителями уехал в Румынию и получил там гражданство.

А в Молдавии вдруг звучало нелепое: «Чемодан — вокзал — Россия!» Сумели ли люди походить — здесь разве не Россия? А как делиться и куда ехать, если жен молдаванки и дети — один чернышский, другой беленький?

И вдруг — стрельба! И, с нами не понимая как, Владимир Иванович со своей старой тульской двустволкой вылез среди приднестровских гвардейцев. Через эти дни он вспомнил деду Иону. Удаться ли им ещё когда-нибудь увидеться, если удастся — о чём они станут говорить?

В ствол тополя над его головой ударил пуля. Другая со свистом и шелестом прошла сквозь крону. Боль вроде бы ослабла, но всё тело странно отяжелело, и Владимир Иванович почувствовал, что едва держит голову. Очень хотелось пить. Он едва сдерживаясь, чтобы не поползти через дорогу к сверкающему сквозь зелень Днестра. Главно

— продержаться до ночи, там, в темноте, даст Бог, он потихоньку проберётся к своим.

В какой-то момент он почувствовал, что время совсем остановилось. Застыло. И он никогда не дождётся ночи, и всегда будет это солнце, эти тополя, эти полосы серебристой реки... Но тут что-то неуловимо изменилось, и он увидел, как со стороны моста к нему идёт худой высокий человек.

«Куда же он? — сквозь туман подкатывающего зыбкого подул Владимир Иванович. — Его же подстрелят. Что он делает...» Однажды человек спокойно приближались, не обращая ни малейшего внимания на редкие выстрелы. Владимиру Ивановичу даже показалось, что ноги человека не касаются земли. И тут сердце его странно забилось. По горячему скальду мимо зелёных тополей к нему шёл дед Ион! Шёл прямой, костлявый, почему-то в солдатской форме со сверкающими медальями на груди, и улыбаясь. Он подошёл, протянул руки и сказал, как бывало:

— Болит? Ничего, пройдёт...

В окно сквозь ветки тополя рвалось весёлое солнце и плывило в крапиволистках Аурел, зеленели на столе кисти винограда, пахло свежей мятой. Дедушка Ион неловко повернулся и издал локтем стукнул, вино пролилось, и лья струйка потекла по столу, но дедушка не обратил на это никакого внимания.

Он взял Вову крепкими рук - ми и, пос див н костлявую коленку, ст л подбр сыв ть его и припев ть:

— Вов — видивов , видиви — помпов , видиви — видив , види- ви — помп ...

Нихт ферштейн

Одно дело ех ть куд -то по туристической путёвке, т к ск - з ть, all inclusive, и совсем другое — в ком ндировку в «горячую точку». Тут всякое может случиться. Дороги послевоенной Сербии не могли не привести н с в Гр ч ницу, что километр х в восьми южнее Приштины. М - ленький сербский городишко с мон стырём в центре, окружённый лб нскими поселениями, жил словно в прифронтовой полосе. Тут и т м колюч я проволока , белые к ски миротворцев, брошенные дом и р злитое в воздухе неясное н пражение, тревог ...

Эйфория, вызв нн я «приштинским броском», сходил н нет, и Игорь, мой спутник по сербским скит ниям, мр чно повторял:

— Ельцин Косово сд ст, вот увидишь.

Д , было похоже, что Косовский кр й будет отторгнут от Сербии, но кто бы зн л, что это случится т к внезапно...

Уже перед с мым отъездом решили мы с Игорем побродить по окрестностям. Н с предупредили: н территорию прожив ния лб нцев лучше не з ходить. Узн ть

можно по фл г м: где сербские — т м спокойно, где лб нские — могут быть инциденты. К менистыми узкими тропк ми з - бр лись н к кую-то горушку, с вершины которой якобы видно Алб нию. Посмотрели: ну, Алб - ния и Алб ния — те же холмы, поросшие рыжев тыми тр в ми и редкими корявыми деревц ми. Пок спуск лись, з говорились и свернули не н ту тропку. Вдруг з метили, что н д дом ми, что р сып лись по склону, — сплошь кр сные лб нские фл ги. Смотрим, от одного дом н перерез н м идёт бород тый брут льного вид мужик с втом том. Игорь, крикнув «бежим!», припустил вниз, к шоссе. Я беж ть что-то постеснялся, д и куд мне с хромой ногой. Мужик с втом том пор внялся со мной и н ч л н ходу что-то говорить. Я решил, что не стоит отвеч ть ему по-русски или по-сербски, но и молч ть было бы стр нно. Тут у меня к то с мо собой вырв лось:

— Нихт ферштейн.

Т к мы и шли почти до шоссе: он мне что-то говорит, я ему в ответ «нихт ферштейн». В конце концов, он отст л.

Серб, сопровод вший н с в поездке, долго к ч л головой и цок л языком: мол, всё могло бы кончиться очень и очень нехорошо...

Утром, когд мы собир лись уезж ть н легковушке н шего сопровод ющего в Косовску Митровицу, выяснилось, что Косово отделилось от Сербии и все

КПП н гр нице з няли лб н-цы. Ех ть н м шине оп сно. Решили, что поедем из Приштины н рейсовом втобусе, который отвозит через гр ницу н р боту в Сербию и косовских сербов, и косовских лб нцев. Всё-т ки будем н виду у людей.

Н КПП в втобус вошли двое лб нцев — копии того брут льного мужик с горы, тоже в бород х и с втом т ми. Проверяли документы. Увидев н ши с Игорем российский п спортины, принялись что-то крич ть, чего-то требов ть. Ясное дело, предъявив российский документ, глупо было прикрыв ться «нихтферштгейном». Я улыб лся и вежливо повторял, что не зн ю лб нского, просил позв ть переводчик . Ситу ция неприятно н к лял сь; сп сло н с то, что вместе с лб нц ми н КПП стояли ООНовские «белые к ски». Один из ООНовцев, увидев происходящее в окно, постуч л по стеклу и погрозил п льцем. Алб нец бросил н м н ши п спорт и пошёл из втобус . Мы тогд не зн ли ещё, к к поступ ли иногда косовские лб нцы с п сс жир ми одиноко проезж вших м шин. Т к что, может быть, н м с Игорем повезло, что н ши орг ны не дост лись к кому-нибудь европейскому миллионеру.

По дороге в Белгр д мы снов и снов пережив ли случившееся.

— Я же говорил, — к ч л головой Игорь, — сд дут Косово. Вот и сд ли. Это всё р вно, к к

если бы у н с Куликово поле отобр ли, поним ешь?

В Белгр д мы приех ли поздним вечером, утром улетели в Москву. День был ясный, безобл чный, я смотрел вниз, н пёстрое европейское лоскутное одеяло, из головы всё не шёл тот бород тый мужик с «к л шниковым»...

Ива

Поезд д вно никуда не двиг лся. Он год ми стоял н рж вых рельс х, которые прямой линией пересек ли Пл стилиновую долину. Пл стилиновой долину в р йоне Х нк лы н зыв ли з глинистую тяжёлую почву, после к ждого дождя превр щ вшуюся в вязкое липкое месиво. А когд стоял сух я ж р , н д долиной пл в ли клубы мелкой пыли. В пл цк ртных в гон х поезд устроили импровизиров нную гостиницу для журн листов. Утром по одному и групп ми они р зьезж лись по чеченским городк м и воинским ч стям, к вечеру возвр щ лись в свои в гоны н ночлег. Едв солнце уходило з неровную цепь д льних холмов, по в гон м проходил коменд нт и проверял, плотно ли з н вешены окн со стороны степи. Оттуд по ноч м пострелив ли. В некоторых стёкл х ветер н свистыв л в ккур тные дырки пулевых отверстий и колых л б йковые одеял , выполнявшие роль светом скировки.

— Знать сыпь не ходите, — с неустыжностью попутал то и дело повторял комендант, — там мины. Позавчера там козлов подорвали сь...

Каждый вечер в купе, где мы бытовали вдвоём с норвежским телевизионщиком Мортонем, приходил молоденький чешский журналист Ив и затевал разговор на политические темы. Главной темой для неё был Пржемысл Явек.

— Русские — плёхо, — убеждал нас Ив. — Русским Европаником никогда не простит подвешения Пржемысла, никогда! Русские и Чечню поглотят! Федералы — плёхо! Чечня борется за свободу, русский солдат их поглотит!

— Угнетёт, — флегматично поправил её Мортон.

Иногда к нам присоединялись пожилой полковник из военной многонационалки и военный обозреватель из еврейской иерусалимской газеты.

— Ну и как вы тут с чеченцами? — спрашивал еврей полковник.

— Да вот уж лет тридцать воюем, вы как там со своими террористами?

— А мы пока лет пятьдесят...

— Вы не должны сочувствовать русским, — обижался еврей Ив. — Вы должны быть за свободу Чечни! Федералы плёхо себя ведут! Пригнетют чеченцев, убьют мирных жителей!

— А чеченцы федералов шпильком кормят? — подвёл итог голос ия. — Значит, сколько

русских людей гниёт сейчас в чеченских зиндах?

— Нисколько! — вскидываясь Ив. — Это пропаганды «Московского комсомольца», русские газеты врут! Пропаганда!

— Не играйтесь ещё, — ворчал потихоньку норвежец, — делит ещё мир на хороших и плохих... Ничего, с возрастом это проходит.

— Не проходит! — упрямылся Ив. — Россия — дикая страна, всем плёхо делается. И украинские патриоты России пригнетят!

— Угнетёт... Я, кстати, не так давно поболел за пидной Украиней, — оживился норвежец, — послушай речь местных националистов, послушал и срывается русский шовинист...

Мы пили коньяк, закусывали тушёшкой и говорили, говорили, говорили свои «политические разговоры». Иногда в ночи раздавался взрыв, или выстрел, или длинная очередь. Мы на секунду смолкли, прислушиваясь, и снова выпивали, закусывали и разговоривали...

Недолго до отъезда Иву взяли на «зачистку». Это, конечно, было против правил. Да же хуже, риск был слишком велик, но полковник отчего-то решил рискнуть. «Зачисти» уловил в водке «федерального чеченца». Предполагалось освободить трёх-четырёх боев. В уле в пятьдесят дворов из каменных срубов и земляных ям — зиндов — вызволили двадцать пять отцов вшивых, зашивленных, заросших щетиной пленных. Истрых, украинденных

ещё до начала войны, и молодых, взятых в плен солдатиков. Среди освобождённых оказались и три женщины. Битые, регулярно и силовые, в обморок, они из трёх вечно жились к военным до тех пор, пока их не привезли в Хэнлу. Всю дорогу они плакали и рыскались, рыскались о том, что с ними произошло, как их обманом вывезли в Чечню, как продали и перепродли... В тот вечер Иван мне не пришёл. Он лежал в второй полке своего купе и тихо плакал.

— Не надо её трогать, — оставил норвежец сердобольных коллег, — пусть поплачет, это полезно, у неё сердце открылось...

Две большие разницы

Если ночью шумит море, под этот шум хорошо спать. Успокоится. А если ночью шумит пьяный сосед, спать невозможно. Пока сосед не успокоится. Дни потом не сразу заснёшь, поскольку возбудишься. Шум моря и шум сосед — две большие разницы. Говорят, так в Одессе говорят...

Но вот тебя захватили боевики. Увезли, знают, чёрт-те куда, посадили в зиндан. Яма так яма, метр два и двести только же в глубину, сверху решётка. И сидишь ты в этом зиндане, яме то есть, день за днём, неделя за неделей, месяцы, хорошо как не годы. Ну, бросят тебе лепёшку,

в пластиковой бутылке воды спустят. Иногда поднимают, чтобы рота кую выполнить — выкопать что-нибудь, дров порубить. И опять в яму.

Ночью тишина гробовая, разве что слышится воящая тавра или собака, днём с дельного минрет муэдзин услышишь: «Аллаху акбар...» — и снова тишина.

И вот сидишь, сидишь, слова бывшие не читаешь, имя своё повторяешь, чтобы не забывать, родных перечисляешь. То ли месяц прошёл, то ли год.

И вдруг стрельба, крики, беготня, и свешиваясь с края ямы веснушчатая молодая рожа в кассе — свои!

И вот ты приезжаешь домой. Родня, слёзы и всё такое. Первая ночь дома — постелька мягкая, свежая, холодильник и кухня по-домашнему урчит. А за стеной сосед бушует: орёт, мотом, посуду о стенку бросает, топочет... Музыка!

С войны

Что это было, Бурят так и не понял. То ли пуля из крупнокалиберного, то ли осколок. Факт тот, что голова злетела, как рбуж. Однажды на пикнике он выстрелил в рбуж крещью из «Сйги», и тот рзлетел вдребезги. Вот так же рзлетел с головы Командир. Бурят несколько секунд безмысленно смотрел, как по его комбинезону стекет медленная кровь вперемешку с

мозг ми Ком ндир , но тут по броне снов уд рило, и он очнулся.

Водитель з стывшими гл з - ми смотрел н тело Ком ндир и не двиг лся. Буряту пришлось отвесить п ру оплеух, чтобы тот пришёл в себя и отвернулся к рыч г м.

Д льше всё было обычно. Их т нк шнырял по переулк м, выцелив я БТРы или скопления противник , они в кого-то поп д ли, поп д ли и в них, но т нк не з гор лся, и пробойн не было...

Хоронить Ком ндир увезли в Россию, он был не из ополченцев, из добровольцев.

Ком ндир не ст ло, и ничего не изменилось: они теснили н цгв рдию, н цгв рдия теснили их. Иногда уд в лось посмотреть телевизор; т м то же с мое: ополченцы Луг нской Н родной Республики р збили колонну укр инской техники, уничтожено три БТР . Кто-нибудь попр вял: пять!

И только дня через три или четыре Бурят дог д лся, что совсем не спит. Это было д же удобно — сп ть было некогд , техники не хв т ло, из р ции то и дело неслось: «Укропы со стороны Кр снодон ! Поддержите огнём!» И нужно было лететь н другой конец Луг нск , чтобы з ткнуть очередную брешь. Но потом он вдруг ст л з сып ть н ходу. Это было уже хуже. Оди жды он з снул прямо среди боя, и водитель едв р с толк л его.

После этого его отпр вили домой. Его пос дили н пробитую пулями и осколк ми «ГАЗель», и т пок тил съ «з д ми» и «огоро-д ми» к российской гр нице.

Бурят трясса н жёсткой ск - мейке, по привычке высм трив л в зелёнке укропов и дум л, дум л, дум л, к к он будет жить д льше.

Рыжий Бой

Офици льно его зв ли Рыжий Бой. Но хозяйк в з висимости от н строения или ситу - ции зв л то Боем, то Рыжим, то и просто Рыжиком. Ему исполнилось шесть лет, то есть он был взрослым солидным псом породы немецк я овч рк . Солидной был у него и р бот . К ждое утро вместе с хозяйкой и несколькими бойц ми он выходил н сырые дек брьские улицы полур зрушенного город и иск л Зло. Зло п хло резко и неприятно, но к ждый р з, обн ружив оп сную железную штуку, Бой р дов лся, поскольку хозяйк хв лил его з это, л ск л и сов л в п сть что-нибудь вкусенькое. А для соб ки нет ничего р достнее, чем р дость хозяин д л комство из его рук.

Зл было много. К ждый день то в придорожных куст х, то в брошенной крышке от в-томобильного колес , то в водосточной трубе под сф льтом пёс н тьк лся н зн комый резкий з п х.

Вечер ми он леж л н подстилке под льше от горячей печки

и в полудрёме присматривался к хозяйке. В небольшой закуток, что был отведён специально для них, то и дело заглядывали гости. Это были люди в той же, как у хозяйки, пятнистой одежде, в сапогах, и запах от них так же, как от хозяйки, — сапожный, пороховый, сигаретный. Хозяин, как и всегда с собой, не курил и в закутке своём курить запрещал, но запах сигаретного дыма, пропитавший всю комнату, пробиваясь и сюда, заставлял порой громко чихать.

Часто других приходил большой добродушный поручик Володя. Он обязательно приносил для Боя кусок колбасы или немного картошки с тушёной в алюминиевой миске. И Бой не рычал на него, когда тот слишком уж лез к хозяйке.

Они смотрели на маленький телевизор, пили чай и разговаривали.

— У меня койка сломалась, — говорил Володя, — и мне теперь негде спать. Можно я у тебя зайчу? Выручишь?

— У поручика Ивана новой переночуй, у неё кроватка шире.

— Знаешь, не разрешать? А я-то думаю, мы друзья, думаю, и тебя можно пожить.

— Я сам решу, кто может и меня пожить, кто будет лежать в сторонке, — кокетничал хозяин.

Иногда по ночам он потихоньку разговаривал с Боем. Бой не понимал слов, но чувствовал, что хозяин грустит, он

подходил и лизал её руку, свисавшую с постели.

— Вот ты один меня и любишь, — говорил хозяин, ласково шевеля шкуру за собой. — Ты один меня понимаешь. А он... Да же сюда не пишет.

Он достал из сумки, стоявшей под койкой, листочек бумаги, долго смотрел на него, и из уголка её глаза тянул слёзную дорожку.

Если бы Бой умел писать, он написал бы замечательную повесть о людях. О том, как они сбиваются в стаи и стреляют друг в друга, о том, как одни люди командуют другими, как разрушают дом, а вечером выпивают прозрачную резко пахнущую воду и тоскливо воют хором что-то протяжное о нескончаемой своей судьбе. О том, как видел однажды во дворе кармы отрубленную человеческую голову, которую принесли из мечети какие-то тёмные бородатые старики. О том, что от Зла пахнет не только смертоносной взрывчаткой, но и человеческими руками.

А жизнь текла и текла — кормёжка за кормёжкой, маршрут за маршрутом, день за днём...

В тот день с самого утра Рыжий Бой почувствовал необычайное беспокойство, и собственное сердце стучало неуверенно, то быстрее, то медленнее. Что-то ныло в груди, совсем не хотелось есть, и хозяин, задев это, даже пощупал пёсий нос.

Они вышли в город, когда кое-где ещё плыл бледный утренний туман. Бой повеселел и бодро бежал впереди, обнюхивая дорогу, придорожные каны и всё, что встречалось на пути.

Они вышли на улицу, параллельно которой шёл большой многоэтажный дом. Почти все перекрытия внутри здания обрушились, и дом был похож на остовки затонувшего «Титаника», пролежавшего в океане несколько лет. Чёрные остовки обгоревших деревьев, словно кораллы, торчали вокруг, сквозь окна и пробоины были видны пустые, выеденные временем внутренности каменного остов. И где-то там, в гулких пустотах здания, затаился чужой человек.

...Совсем просветело. Уже пора было уходить, когда снайпер заметил на улице отряд. Его внимание сразу привлекла девушка с собакой на длинном поводке. «Так-так, это интересно, — деловито подумал снайпер. — Это точно я цель...»

Он устроился поудобнее и, глядя сквозь оптический прицел, задумался. Снайпер решил задать ему. У него было время только на один выстрел. Можно было застрелить

или девочку, или собаку. Он переводил перекрестие прицела на собаку, то на хозяйку и никак не мог выбрать. Наконец, взглядев погони на плечи девушки и решив, что звание ловца, оставался на собаке. Но когда прицел уже начал своё полное движение на курок, неожиданно для себя снайпер перевёл прицел на девушку. Хлопнул выстрел, винтовка дернулась, и, отрываясь от окуляра прицела, снайпер успел увидеть падющую фигурку. Он бросился бежать и лишь через несколько секунд, когда уже был в относительной безопасности, услышал их рвотные восторженные крики и возбуждённый собачий лай.

Рыжий Бой стоял над хозяйкой и лизал её остывающее лицо. А подальше из-за кирпичных куч и бетонных блоков солдаты в остервенении полили по пустому дому.

Уже на следующий день Боя перед ли другому хозяину. И Бой принял его и снова каждый день выходил на улицы разбитого города искать Зло. Но по ночам ему иногда снился прежняя хозяйка, он слышал её весёлый голос и чувствовал тепло рук.